

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Научная статья
УДК 17.035.3 + 801.73 + 82.09 + 930.23
doi 10.15826/tetm.2021.2.013

Конструктивизм и проблема ответственности

Василий Николаевич Сыров¹, Елена Васильевна Агафонова²

^{1,2}Томский государственный университет, Томск, Россия

¹narrat@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

²agaton1810@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа способов построения исторических нарративов рассматривается проблема соотношения исследовательских стратегий (реализм/конструктивизм) и ответственности автора нарратива за произведенную продукцию. Утверждается, что именно конструктивистская стратегия обеспечивает наиболее перспективный путь решения проблемы, поскольку предполагает производство высказываний от первого лица как способ отделения традиции от новации и строится на коммуникативном отношении как способе определения надежности высказываний. Отмечается, что описанные выше процедуры можно считать необходимыми инструментами реализации и демонстрации принятия на себя ответственности за сделанные высказывания, а их отсутствие следует трактовать как явный или неявный отказ от ответственности.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, ответственность, исторический нарратив, имплицитный нарратор, эксплицитный нарратор

Для цитирования: Сыров В. Н., Агафонова Е. В. Конструктивизм и проблема ответственности // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 2. С. 56–64. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.013>.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00421).

Original article

Constructivism and the Problem of Responsibility

Vasilij N. Syrov¹, Elena V. Agafonova²

^{1,2}Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹narrat@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

²agaton1810@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of the methods of constructing historical narratives, the article examines the problem of the relationship between research strategies (realism/constructivism) and the responsibility of the author of the narrative for his product. It is argued that the constructivist strategy provides the most promising way to solve the problem, since it involves the production of statements in the first person as a way to separate tradition from innovation. Constructivist strategy is also built on a communicative relationship as a way to determine the reliability of statements. The above procedures can be considered necessary tools for the implementation and demonstration of taking responsibility for one's own discourse, and their absence should be interpreted as an explicit or implicit disclaimer.

Keywords: constructivism, realism, responsibility, historical narrative, implicit narrator, explicit narrator

For citation: Syrov, V. N., Agafonova, E. V. (2021). Konstruktivizm i problema otvetstvennosti [Constructivism and the Problem of Responsibility]. *Tempus et Memoria*, 2, 2, 56–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.013>.

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 19-18-00421).

На первый взгляд кажется, что тема в основном носит надуманный характер. Ведь если целью исследовательской деятельности является поиск истины, то ответственность за высказывания следует считать структурным элементом производимого знания. Вернее, кажется, что нет нужды специально ставить вопрос об ответственности, поскольку сама принадлежность к институту, сущность которого конституирована стремлением к истине, санкционирует действия каждого отдельного ее представителя и избавляет его тем самым от необходимости размышлять об ответственности за свои высказывания.

Резонно предположить, что такой подход, фактически снимающий с отдельного члена сообщества ответственность за сделанные высказывания и обосновывающий правомерность такого снятия отсылкой принадлежности к институту (поскольку принадлежность к институту гарантирует истинность высказываний или притязаний на истинность), обусловлен определенной эпистемологией. Она строится на убеждении, скорее имплицитном, что истинность знания гарантируется самим

миром. Мир, так сказать, проверяет наши представления. Соответственно гарантией такого положения дел становится своеобразная настроенность познающего субъекта. Суть ее в логичности и рациональности. Иначе говоря, если субъект логичен и рационален в своих действиях, то он стоит на правильном пути. Причем, как отметил Дэвид Блур, «успешная и общепринятая интеллектуальная деятельность является самоочевидной и самоиницирующей. Она становится собственным объяснением» [Блур, 198]. По этому поводу Блур приводит хороший иллюстрирующий пример. Если поезд сошел с рельсов, то мы ищем причины, почему так произошло, «однако у нас нет ни нужды, ни необходимости исследовать, почему аварии не происходят» [Там же].

С этой позиции стоит полагать, что победившее знание или победившая теория является истинной, а истинность определяется соответствием ее положений чертам самой реальности. Можно назвать такую парадигму реалистской и считать, что есть прямая связь между исходными принципами такой парадигмы и способами ее реализации. Иначе

говоря, вера в отражение свойств самой реальности должна определять или влиять на форматы познавательной деятельности. Более того, стоит ожидать, что они будут имплицитно или эксплицитно отождествляться с природой научного знания или познания как такового, а знание — с устройством самого окружающего мира.

Мы не будем обращаться к анализу характера познавательной деятельности в естественных науках, предоставив осуществление этой задачи специалистам в данной области и оставив за собой лишь убеждение в правильности провозглашенной выше методологической установки. Более того, оставим за пределами внимания основной корпус социально-гуманитарных наук. Отметим лишь любопытную статью Кеннета Джерджена, где он пытается идентифицировать главные формы дискурса, которые наделяются привилегированным статусом в гуманитарных науках, и те традиции авторитетности, которые их питают [Джерджен, 179]. Автор выделяет «четыре модальности традиционного голоса: мистическую, мифическую, пророческую и цивилизованную [Там же, 180]. Понятно, что речь идет о так называемых риторических стратегиях (а не о мистических или пророческих текстах в буквальном смысле слова). Примечательны наблюдения Джерджена о способах реализации этих стратегий (особенно первых трех): они предполагают дистанцию в форме иерархии между автором и читателем, где автор позиционирует себя как всеведущего повествователя, а публику — как непросвещенную и где текст подается в форме безличного монолога [Там же, 183–184]. Джерджен отмечает, что, конечно, более доминирующей и современной формой дискурса становится так называемый цивилизованный дискурс, весьма соответствующий по построению принципам научного этоса, сформулированным Робертом Мертоном. Но автор полагает, что и этот тип дискурса, по сути, имплицитно, но реализует иерархическую позицию, поскольку трактует читателя как конкурента в борьбе за власть, престиж, истину [Там же, 189–190].

Джерджен констатирует появление новых модальностей в научном дискурсе, которые пытаются порвать с иерархически и монологически построенными исследовательскими

традициями. В качестве примера он приводит автобиографический и беллетристический жанры. Однако автор отмечает, что зачастую вводимая диалогическая форма фактически распадается на сумму многообразных и фрагментированных голосов, где читателю предлагается либо отождествиться с опытом автора, либо добавить свой голос к многообразию самодостаточных мнений (что-то в духе трактовки диалога у Бахтина) [Джерджен, 197]. Джерджен отмечает при этом, что ироническая дистанция, сотворенная беллетристическим модусом, показывает, что сотворенный им мир не стоит воспринимать всерьез [Там же]. Полагаем, что то же самое можно сказать и по поводу полифонии, если она сводится лишь к многоголосию мнений.

Резонно утверждать, что, несмотря на кажущуюся противоположность, все вышеперечисленные модусы, по сути, предполагают снятие ответственности автора за сделанные им высказывания. В первых четырех модусах это происходит потому, что голос автора отождествляется, причем в достаточно агрессивной манере, с голосом самого бытия или самой истины, чему способствует безличная манера повествования. В последних случаях ответственность снимается, так как автор и не претендует на истину, довольствуясь высказыванием лишь мнения.

Размышления Джерджена можно рассматривать как конкретизированные методологические указания по поводу трактовки дискурсов гуманитарных наук. Мы же обратим внимание на некоторые аспекты исторического письма. Представляется, что в свете растущего и постоянно подогреваемого интереса к прошлому его анализ приобретает особую актуальность. Правомерно утверждать, что в профессиональном сообществе в той или иной мере по сей день сохраняется убеждение в оправданности использования определенного формата исторического письма. Передается он, так сказать, по традиции, в частности, через требования, явно или неявно предъявляемые к написанию квалификационных сочинений всякого рода и уровня. Можно назвать его нарративом повествовательного типа или традиционным нарративом. Резонно также ожидать, что он будет обладать определенными чертами или тяготеть к ним. Суть их хорошо выражена

в тезисе Луиса Минка о «нерассказанной истории». Подход с этой точки зрения «состоит в том, чтобы открыть такую нерассказанную историю или часть ее и пересказать ее пусть в сокращенной или отредактированной форме. ...Понятое подобающим образом, повествование о прошлом нуждается только в том, чтобы быть переданным, а не сконструированным» [Mink, 188].

Прежде всего такой нарратив будет тяготеть к определенной организации материала. Переданность будет воплощаться в его подаче более в манере повествовательной или описательной, нежели в форме рассуждения и демонстрации последовательности доказательств того или иного тезиса. Поэтому такой нарратив будет тяготеть к тематической или хронологической организации текста. Организовывать текст тематически — значит подавать его в виде совокупности и последовательности утверждений или положений, которые предполагают их развертывание (например, сначала про это, потом про то) и где используемый эмпирический материал более предстает иллюстрацией тех или иных положений, чем их доказательством, а полнота доказательной части зачастую сводится к обилию сносок на источники. Как правомерно отметил Анкерсмит, писать на тему — значит пытаться создать нарратив, «корректно сообщающий всякую мало-мальски ценную информацию, содержащуюся в архивах по тому или иному аспекту прошлого» [Анкерсмит, 83].

Повествовательная манера, как правило, будет выражаться в стремлении подавать объекты прошлого так, как будто такими они и были на самом деле. Это проявляется в намеренном стирании всех знаков авторского присутствия, ибо полагается, что явный голос автора (в виде фраз «я считаю», «я выдвигаю гипотезу») воплощает субъективное начало. В итоге плоды работы историка предстают продуктом «так называемой референциальной иллюзии, поскольку историк здесь делает вид, будто предоставляет говорить самому референту» [Барт, 432]. Если использовать язык нарратологии, то «референциальная иллюзия» будет выражаться в высказываниях от третьего лица и в использовании фигуры имплицитного, безличного, но всеведущего и вездесущего нарратора (по типу «сражение состоялось

в таком-то году», а не «я полагаю, что сражение состоялось в таком-то году»). Иначе говоря, предполагается, что слово как бы дается самой реальности, предоставляя истории возможность течь самой по себе, в чем, по мнению сторонников такого дискурса, и воплощается требование писать, как было на самом деле. Потому в таком тексте отсутствуют маркеры акта высказывания типа «логично предположить», «по-нашему (или по-моему) мнению данные аргументы неубедительны, потому что...», «следовательно», «наша гипотеза подтверждается тем-то и тем-то» и т. д. Если же подобные моменты и имеют место, то выглядят разрывом в плавном течении повествования. В итоге продукт, порожденный таким повествовательным форматом, страдает монологичностью и существует как бы в вакууме, поскольку, как правило, лишен знаков дискуссионности, полемичности, репрезентации собственных аргументов и анализа контраргументов оппонентов, а значит, включенности в диалог с предшественниками и последователями.

Резонно предположить, что само использование такого формата блокирует правомерное желание исследователя проявить креативность, поскольку использование фигуры вездесущего нарратора, говорящего от третьего лица, не дает ему возможности отсортировать и маркировать всю совокупность сделанных высказываний: какие из них являются проявлением авторского начала, а какие относятся к использованию общепринятых повествовательных кодов. Как следствие, такое положение дел усложняет решение вопроса о выборе и предпочтении одной версии нарратива другой, поскольку в самом тексте стерты знаки сравнения одного нарратива с другим в виде экспликации аргументов или контраргументов, а историографический обзор сведен к формальному перечислению совокупности мнений предшественников (и соответствующим формам их представления типа «А считал так-то, а Б считал так-то»). Фактически такой текст становится рассчитанным лишь на узкий круг специалистов в теме, которые для опознания соотношения новизны и традиции вынуждены помещать его в контекст, имплицитно присутствующий в их сознании.

Такой способ нарративизации мы можем интерпретировать как реализацию процедуры

избавления от ответственности за сделанные высказывания. Не обязательно она носит намеренный характер, но объективно становится таковой. Если автор в лице нарратора не говорит от первого лица, не отделяя тем самым высказывания, которые демонстрируют его собственный вклад в обсуждение темы, от высказываний, в которых проявляется его солидарность с традицией, то читатель оказывается разоруженным. Либо он должен приписать ему ответственность за весь текст, либо трактовать его в целом как информационный шум. Соответственно можно утверждать, что самой своей организацией такой нарратив будет блокировать новаторские возможности и потребности исследователя. Говоря более категорично, он будет форматировать не только текст, но и направление мысли исследователя. Поэтому даже если бы автор хотел взять на себя ответственность, а ее реализация подразумевает экспликацию авторской позиции, то повествование от третьего лица не позволило бы ему это сделать.

Можно отдельно выделить два взаимосвязанных обстоятельства, благоприятствующих безличности изложения и равнодушию сообщества к проблеме ответственности за сделанные высказывания. Прежде всего это реалистская установка. Она подразумевает, что исследователь не трактует свои действия как диалог с членами сообщества, что требовало бы соответствующей организации текста. Он воспринимает себя как транслятора продукта, уже в готовом виде содержащегося в некоей объективной реальности (нерассказанная история). Более того, собственные действия видятся ему как внесение некоторого вклада (по принципу часть — целое) в большую картину, а свое существование — как растворенность в большом монолитном отряде, где, по сути дела, безответственны все и где ответственность перелagается на само прошлое (ничего не подделаешь, такой объективно была сама история). Фактически в таком виде тезис об ответственности становится лишь идеологией с сомнительными способами ее обоснования.

Вспомнив Джерджена, можно утверждать, что если великих историков XIX в. действительно можно было трактовать как пророков, предсказывающих назад и пишущих в соответствующей манере, то к настоящему времени

таким пророком оказывается совокупный субъект. Правда, доверие к пророческому модусу изложения оказывается изрядно подорванным, да и не соответствующим этосу научного сообщества, потому основанием для его сохранения внутри сообщества остается лишь академическая сухость и эмпирическая приземленность текстов. Хотя в собственных глазах сообщества (да и для существенной части внешних читателей) пророческая функция вполне может восприниматься как миссия и даже актуализироваться в связи с участвовавшими упреками извне по поводу надежности производимой продукции.

Вторым фактором, усиливающим эту своеобразную коллективную безответственность, является ситуация сохраняющейся замкнутости и непроницаемости как самого сообщества, так и производимой им продукции, адресатом которой остается данное профессиональное сообщество. Отсутствие обратной связи, особенно извне, лишало и лишает авторов возможности определить, какой эффект производит создаваемая ими продукция. Поэтому пишущий остается равнодушным к последствиям, порождаемым его письмом, поскольку все равно ничего о них не знает. Но он вполне может обосновывать такое равнодушие либо требованиями научного этоса (требование беспристрастности, к примеру), либо общей непросвещенностью читающей публики, недоросшей до правильного понимания.

Конечно, к настоящему времени картина весьма существенно изменилась. В социальном плане скорее можно говорить о трактовке научного сообщества в свете тезиса Ульриха Бека о феодализации науки и воспринимать ее как многоголосие научных дискурсов, но не в плане содержания, а в плане принципов его организации. Развитие цифровых технологий серьезно подрывает монополию сообщества (в первую очередь производителей социально-гуманитарного знания) на производство знания и особенно доверие к нему. Читатель комментариев к тем или иным историческим сюжетам, транслируемым в социальных сетях, может с ужасом обнаружить, как отозвалось его слово как представителя профессионального сообщества. Следует заметить, что своеобразной реакцией заинтересованного потребителя на общую утрату доверия к нарративам,

производимым научным сообществом, стало возрождение весьма архаических практик доверия к исторической информации: сведение к факту (вернее к тому, что кажется фактом), отрицание интерпретаций, восстановление статуса первоначального свидетеля (родители говорили, бабушка или дедушка сами видели, лично знал). Кроме того, постмодернистский поворот, начавшийся еще с конца XX в. и направленный на критику доминирующих научных дискурсов, способствовал усилению общей атмосферы сомнения в глазах самого сообщества в легитимности сложившихся исследовательских практик и общей идеологии науки.

Соответственно критика сопровождалась поиском более приемлемых форматов производства знания. Теперь, кстати, мы получаем еще один критерий их оценки, а именно взгляд с позиций гарантии ответственности. В рассуждениях о способах преодоления традиционных форм исторической наррации в свое время стали распространенными призывы более интенсивно использовать современные литературные эксперименты, рассказывать истории с разных точек зрения, эксплицировать роль нарратора и т. д. [Burke, 308–315]. Поиск путей наведения мостов между конкурирующими версиями истории стал связываться с мультиперспективным видением или равноправным представлением альтернативных или множественных трактовок [Bevernage, 76]. Стало популярным рассуждение о так называемых подвижных продуктах, «которые сочетают в себе черты обыденного и специализированного знания, как они создают между этими двумя зонами колоссальное поле, в котором формируется т. н. “гибридное знание”, как в подвижных цифровых форматах чаще всего соединяются сегменты обыденного, повседневного знания и осколков специализированного...» [Хут, 147].

Рискнем утверждать, что подобного рода подходы следует рассматривать либо лишь как предварительные стадии в выработке новых форматов, либо как исследовательскую ловушку, которую можно охарактеризовать известным выражением «пытаться влить молодое вино в ветхие мехи». Ведь можно множить количество альтернативных нарративов, но сохранение традиционных форматов их

написания будет создавать в глазах читателя лишь эффект умножения количества безответственных мнений. Поэтому попробуем выдвинуть тезис: только на конструктивистском пути можно надеяться на выработку более-менее продуктивной методологии, обеспечивающей перспективу решения обсуждаемой проблемы.

Если попытаться дать сжатую трактовку предлагаемой нами версии конструктивизма, то она звучала бы следующим образом. Конструктивизм строится на (обоснованном) убеждении, что объект исследования создается самим исследователем (или сообществом) в форме теории или нарратива, а не извлекается им из некоторой внешней среды («объективной реальности»). Как следствие, критерием надежности созданного продукта (теории, нарратива) становится не его соответствие внешнему референту, а сопоставление с другими такими же продуктами. Тогда критерием выбора между ними следует считать полноту и разнообразие приводимых рациональных аргументов, а не комплекс риторических приемов. Тогда же стоит признать, что практика доказательства, реализуемая конструктивизмом, должна носить коммуникативный характер, а именно строиться в расчете на рационально мыслящего адресата (члена научного сообщества прежде всего). Иначе говоря, коллеги, а не так называемая объективная реальность, будут выступать судьей нарративов.

Стоит оговорить некоторые аспекты, связанные с трактовкой статуса конструктивизма. Прежде всего речь пойдет об эпистемологии или об убеждении, что мы имеем и можем иметь дело лишь с формами нашего знания. Поэтому конструктивизм — это не утверждение о содержании знания, что этносы конструируются, к примеру, что нужно дать слово объектам и т. д. Это утверждение, что правомернее рассуждать лишь о знании, а не о некоей объективной реальности. Опять-таки конструктивизм — это не солипсизм. Он вполне признает коллективный характер познания просто потому, что сторонникам такого подхода теория коллективного познания представляется более убедительной, более согласуется с эмпирическим материалом, дает больше продуктивных следствий, порождает меньше негативных следствий и т. д. Поэтому движение к конструктивизму, позволяющее избавиться от подобного

рода дискуссий, начинается снизу, а не сверху, то есть не с его постулирования, а с обсуждения эпистемологических проблем, предлагаемый путь решения которых подталкивает к выдвигению конструктивистских гипотез.

Соответственно конструктивизм — это не утверждение, что все вещи существуют только в отношении к нам. Как отмечает Андре Кукла, «такой конструктивизм приводит к причудливому выводу, что мир не существовал до человеческого существования» [Kukla, 46]. Представляется, что подобного рода утверждения основаны на смешении онтологии и эпистемологии или реализма и конструктивизма. Иначе говоря, когда смешиваются высказывания типа «некто думает, что...» и «дела обстоят так-то и так-то». Но одно дело полагать, что наше знание стоит трактовать как отношение, другое дело — утверждать, что «быть — значит быть в отношении». Последнее в лучшем случае имеет смысл лишь как некоторое возможное содержание нашего знания, которое требует такого же типа доказательств, как и альтернативная теория.

Стоит особо подчеркнуть, что последовательный конструктивист должен отрицать не только исходные принципы реализма, но также стиль мысли и язык, которым оперирует сторонник последнего. Так, высказывания типа «на самом деле все относительно», «не существует объективной реальности» чужды конструктивистскому подходу и заслуживают упрека в перформативном противоречии. Поэтому основной аргумент, который может и должен использовать конструктивист, это аргумент прагматический. Причем речь идет не о какой-то практической пользе, а об эвристической продуктивности. Представляется, что тогда схема конструктивистских рассуждений строилась бы следующим образом: этой теории (гипотезе) стоит отдать предпочтение, потому что она обладает большим эвристическим потенциалом, может связать в единое целое большее количество разнообразного и даже внешне противоречивого эмпирического материала, к примеру.

Соответственно можно утверждать, что конструктивизм лучше сочетается с релятивизмом, трактует его как изменяемость знания или как зависимость от избранной точки отсчета. Недаром, как заключают сами сторонники

реализма, «даже когда наши убеждения будут охватывать по существу все правильные ответы на все нетривиальные эмпирически отвечаемые вопросы, мы все равно не сможем обоснованно сказать, какие из наших нынешних убеждений преуспели в правильном описании внешнего мира», поскольку отсутствует процедура такого определения [Almeder, 226]. В сходной форме об этом говорит и Том Рокмор, когда подчеркивает, что нет способа отделить абсолютно объективные идеи от относительно объективных [Rockmore, 86]. Трудно сочетать тезисы об изменчивости знаний и в то же время о соответствии их «реальности», поскольку в такой ситуации утверждение о соответствии теряет любую свою (эпистемологическую, мировоззренческую) ценность, превращаясь в пустую риторическую фигуру.

Если еще говорить о преимуществах конструктивизма, то можно утверждать, что реализм ничего не прибавляет в собственно эпистемологическом плане. Иначе говоря, высказывание о том, что нечто верно, потому что соответствует реальности, выглядит избыточным довеском. Оно просто неинформативно, и отнюдь не потому, что проблематичен ответ на вопрос, как выглядит эта объективная реальность. Дело в том, что прагматистский подход по крайней мере заставляет нас искать процедуры демонстрации надежности знания, которые находятся в доступности для человеческого существа и которые можно обсуждать, поскольку есть предмет для обсуждения. Так можно показать, что стоит предпочесть эту теорию, потому что она производит больше интересных следствий. Но как показать, что одна теория лучше другой, потому что объективнее? Поэтому можно утверждать, что отбрасывание фразы «соответствовать реальности» все оставляет на своих местах, поскольку тезис о том, что теория подтверждается фактами, вполне согласуется с прагматизмом, а значит, не требует никакой прибавки. В мировоззренческом плане конструктивист мог бы утверждать, что заклинание объективной реальностью опасно еще и тем, что порождает напрасные иллюзии о возможности окончательных ответов.

Резонно утверждать, что конструктивистский подход требует определенной организации знания. Невозможно настаивать

на приверженности конструктивизму, не строя высказываний от первого лица. Кстати, в этом смысле можно говорить об изменении статуса отсылки к «мы». Такое «мы» становится не апелляцией к безликому сообществу вообще, а представлением результатов работы определенной школы, коллектива, исследовательской группы. Также невозможно реализовывать конструктивистский подход без отчетливого осознания и выстраивания коммуникативных отношений, а именно без ориентации на других и организации текста как совокупности процедур рационального убеждения.

Если это так, то можно утверждать, что принципы конструктивизма обеспечивают наиболее оптимальные условия для реализации ответственности за произведенное знание. Ведь ответственность обычно понимается как «ответственность за» и «ответственность перед кем». Следует отметить, что в коммуникации они оказываются нераздельно связанными и даже, более того, способствуют смещению вопроса о том, как должны быть связаны исследователи со своими объектами, к вопросу о том, как должны строиться отношения между участниками исследования [Heldke, Kellert, 366]. Выше отмечалось, что реализация конструктивистского проекта невозможна без реализации и определенной организации этого отношения. Более того, конструктивизм делает ответственность эксплицитной чертой и структурным элементом своего подхода самим актом позиционирования автора как «Я». Такое отношение, помимо прочего, позволяет конкретизировать и персонифицировать требование ответственности. Ведь в случае высказываний от третьего лица мы, по сути, будем иметь дело

как с коллективной безответственностью, так и с коллективной виной, где отдельный автор вынужден самим способом подачи материала отвечать за огрехи сообщества в целом. Автор, говорящий от первого лица, самим актом высказывания создает основания для определения и ограничения сферы своей компетентности и своего вклада.

В итоге мы имеем дело с комплексом взаимных обязательств, где автор берет на себя обязательство эксплицитно перечислить рациональных аргументов, пользоваться только им, быть восприимчивым к критицизму и быть в этом честным, а читатель берет на себя обязательство быть восприимчивым только к такому способу аргументации. Собственно говоря, в этом и состоит моральная ценность конструктивизма. Он заставляет профессиональное сообщество быть чувствительным к совершаемым высказываниям и быть готовым к однозначному ответу на вопрос об их принадлежности.

В завершение стоит отметить, что, конечно, в приведенных выше рассуждениях речь фактически шла о взаимоотношениях внутри профессионального сообщества. Постановка вопроса о расширении зоны ответственности за ее пределы порождает новые вопросы, в частности, о роли читающей публики для совершенствования самого знания [Heldke, Kellert, 369–370], о публичных функциях самого исследовательского сообщества. Но представляется, что широта и разнообразие вопросов не отменяют основного тезиса, что именно методология конструктивизма позволит наметить продуктивные пути их обсуждения и решения.

Список источников

- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. : Идея-пресс, 2003.
- Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Парадигмы социологии знания : хрестоматия / под общ. ред. В. Л. Шульца. М. : Наука, 2007. С. 193–214.
- Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика : сб. ст. / пер. с англ. А. М. Корбута. Минск : БГУ, 2003.
- Хут Л. Р. История в цифровую эпоху: российские историки в условиях дигитализации исторического знания // Историки в поисках новых перспектив : коллектив. моногр. / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. М. : Аквилон, 2019. С. 127–158.
- Almeder R. Blind Realism. An Essay on Human Knowledge and Natural Science. Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1992.

Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History' // *Ethos of History. Time and Responsibility* / ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. Berghahn Books, 2018. P. 71–93.

Burke P. History of events and the revival of narrative // *The History and Narrative Reader* / ed. by G. Roberts. Routledge, 2001. P. 308–315.

Heldke L. M., Kellert St. H. Objectivity as Responsibility // *Metaphilosophy*. 1995. Vol. 26, № 4. Oct. P. 360–378.

Kukla A. *Social Constructivism and the Philosophy of Science*. Psychology Press, 2000.

Mink L. *Historical Understanding*. Cornell Univ. Press, 1987.

Rockmore T. *On constructivist epistemology*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2005.

References

Almeder, R. (1992). *Blind Realism. An Essay on Human Knowledge and Natural Science*. Rowman and Littlefield Publishers, Inc.

Ankersmit, F. (2003). *Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. M.: Ideya-press.

Bart, R. (2003). Diskurs istorii. In Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on semiotics of culture] / per. s fr., vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. M.: Izd.-vo im. Sabashnikovykh, 427–441.

Bevernage, B. (2018). Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History'. *Ethos of History. Time and Responsibility* / ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. Berghahn Books, 71–93.

Blur, D. (2007). Sil'naya programma v sotsiologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Paradigmy sotsiologii znaniya: khrestomatiya / pod obshchei red. V. L. Shul'tsa*. M.: Nauka, 193–214.

Burke, P. (2001). History of events and the revival of narrative. *The History and Narrative Reader* / ed. by G. Roberts. Routledge, 308–315.

Dzherdzhen, K. Dzh. (2003). *Sotsial'nyi konstruktivizm: znanie i praktika. Sbornik statei* [Social constructionism: knowledge and practice] / per. s angl. A. M. Korbuta. Minsk: BGU.

Heldke, L. M., Kellert, St. H. (1995). Objectivity as Responsibility. *Metaphilosophy*, 26, 4. Oct., 360–378.

Khut, L. R. (2019). Istoriya v tsifrovuyu epokhu: rossiiskie istoriki v usloviyakh digitalizatsii istoricheskogo znaniya [History in the digital age: Russian historians in the context of the digitalization of historical knowledge]. *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv. Kollektivnaya monografiya / pod obshchei redaktsiei Z. A. Chekantsevoi*. M.: Akvilon, 127–158.

Kukla, A. (2000). *Social Constructivism and the Philosophy of Science*. Psychology Press.

Mink, L. (1987). *Historical Understanding*. Cornell Univ. Press.

Rockmore, T. (2005). *On constructivist epistemology*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Сведения об авторах

Сыров Василий Николаевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация

Агафонова Елена Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация

Вклад авторов: Е. В. Агафонова — 40%, В. Н. Сыров — 60 %.

Information about the authors

Vasily N. Syrov — Doct. Sci. (Philosophy), Head of the Chair of ontology, Epistemology and Social Philosophy, Philosophical Faculty, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Elena V. Agafonova — Cand. Sci. (Philosophy), associate professor department of ontology, Epistemology and Social Philosophy, Philosophical Faculty, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Contribution of the authors: E. V. Agafonova — 40 %, V. N. Syrov — 60 %.

Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021;
принята к публикации 15.09.2021

The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 31.08.2021;
accepted for publication 15.09.2021